

Солнце Аркадии

Улица. Скамейка. К скамейке бегут Глеб и Галина Адамович.

Глеб. Мы были пьяные. Упали на улице. Твои колготки поехали. Хотели построить дом, чтобы в нём были дети. Ты засмеялась.

Галина смеётся.

Глеб. Мы были молодые и пьяные. Глеб и Галина Адамовичи совершили посадку на другую планету. Упали на улице, к нам подбежала собачка. Вы пописяли. Твои колготки поехали. Хотели построить дом, чтобы в нём были дети. Ты засмеялась.

Падают возле скамейки.

Глеб. Были обнимания, пожатия рук, пианино как молоко и звуки сдобных булочек. «*Ты меня с ума сводишь...*» На красивой, дорогой машине проехал наш друг. Глеб хотел спрятать свою Галину внутрь, быть деревом, лизать тебе щёки, шею, а она сказала...

Галя. Я всё равно их ни одного не замечаю.

Глеб. Мужчины в ботинках прошли мимо. Глаза под солнцезащитными очками, вся хуйня... Они топтали тебе волосы.

Галя. Галина отвернулась от них.

Глеб. «*Спасибо, спасибо, девочка моя золотая, спасибо...*» – Глеб навалился на свою Галину, раздвинул коленом ей ноги. Так торопился, чтобы много поцеловать, что его голова и руки тряслись. На моих губах засохла слюна, стал рвать её в поцелуях, хотел сделать приятно своей Галине зрением насекомых или яблок.

Галя. Не волнуйся так, я никуда не денусь.

Глеб. Так сказала мне и улыбнулась, словно вышла из глубокой голубой ракушки. А у Глеба слёзы близко, тем более подшофе. «*За что мне такое счастье? Девочка моя, родная моя, золотая...*» – делиться чувством не стыдно. Дальше знают лишь звёзды и какие-то люди, которые постоянно шастали мимо...

Попугай. В другом районе на балкон выбросили попугая. Все думали, что он мальчик, будет говорить, когда подрастёт, а он оказался девочкой. Ему даже имя дали в своё время мужское: Петруша... Красиво. Это большие облака, которые поют, как пузырьки или сок; свежие цветы в вазе с рыбками; приправы; душистый суп; валяться в постели; прижиматься к человеку, которого любишь; другие всякие простые вещи. И для этого необязательно быть умным или богатым. Каждый любит свою Галину. А Петруша снёс на балконе яйца, хотя его никто не любил. Поэтому яйца оказались пустыми. Вот и всё. И Глеб взял свою Галину прямо на тротуаре.

Улица. Скамейка. Где-то идут танцы. К скамейке катится жёлтый резиновый мячик. Мячик оглядывается – никого нет. Мячик расстроен. Появляются костыли, опираются на скамейку. Мячик замечает костыли, подкатывается к ним. Костыли играют с мячиком. Появляются босые ноги. Мячик бросает костыли, катится к ногам. Ноги играют с мячом. Костылям не привыкать к потерям, они уходят. Мячик смеётся, ему хорошо, и босые ноги тоже, в принципе, довольны. Появляются ноги в кроссовках. Мячик бросает босые ноги, подкатывается к ногам в кроссовках. Босые ноги не очень расстроились, они уже устали; босые

ноги уходят. Ноги в кроссовках обращают внимание на мячик, но лишь на минуту, чтобы сказать:

Ноги в кроссовках. А у нас вот что есть! (Показывают мячику настоящий футбольный мяч)

Ноги в кроссовках профессионально разминаются с футбольным мячом. Жёлтый резиновый мячик расстроен, он плачет. Пошёл дождь. Мимо проходят босые ноги, костыли – мячик не нужен никому. Стихла музыка, ушли ноги в кроссовках. Мокрый мячик прячется от дождя под скамейку. Появляется собака. Мячик рад. Собака нюхает мячик, затем кусает его и убегает. Надкусанный мячик быстро превращается в резиновое пятно или жёлтую лужу. Появляются костыли. Мячик изо всех сил ползёт к костылям. Костыли вырезают из мячика два кружочка, приклеивают их, как набойки. Выбрасывают мячик, уходят.

Улица. Скамейка. Лежат абрикос и красивое большое ненастоящее яблоко. Дождь прекратился, то, что осталось от мячика, лежит возле ножки скамейки. Дебильный мужчина подъезжает к скамейке на велосипеде. На мужчине спортивный костюм, очки и кепка. Мужчина поднимает мячик, рассматривает его, затем, плюнув на мячик, как бы приклеивает или подвешивает его. Должна получиться иллюзия солнца. Мужчина садится на скамейку, опирается на велосипед. Мужчина, сунув руку в трико, тупо онанирует. Появляется Глеб Адамович. Отбрасывает ногой абрикос, берёт яблоко. Пытается его съесть зубами, ломает пальцами, режет ножом, бьёт об пол. Яблоко не поддаётся. Мужчина незаметно для Глеба съедает абрикос. Глеб ищет абрикос, находит лишь косточку, возвращается к яблоку, пытается его съесть. Он уже очень голоден. Яблоко не поддаётся. Глеб задирает свою верхнюю одежду, срезает ножом куски живота и ест.

Глеб. У меня иногда бывает, я Бога чувствую. Вот лежит тенью на асфальте; а ну солнечно, так ярко, аккуратно кусты подстрижены... Вот я только что купил свежий хлеб в магазине, при хлебозаводе, иду. Или вот ранняя осень, солнечное утро, вся эта фигня с синим прозрачным небом. Небо было такое глубокое... Лежит каштан в кожуре, на асфальте в кожуре. Мы в детстве, когда я в интернате был, делали из каштанов в кожуре мячики. Берёшь каштан в кожуре, и трёшь об асфальт; получались такие махровые коричневые мячики, очень приятные на ощупь, это вот, что это – кал Бога, голова Бога или его глаза? Но эти мячики в коричневой кожуре – это класс. Руке так приятно... Фонтан бьёт, девочки в школьной форме, я в школьной форме, а на обед должны быть котлеты. И тогда уже чувствуешь Бога в любой момент и в любом... Вот пошли с другом в парк, хочется какого-то чистого восприятия действительности; без выводов, обобщений. Вот сидит человек на лавке, он явный дебил, ну дебил, блядь! Улыбается чего-то сам себе, в носу ковыряется, шепчет что-то. Начинаешь анализировать, ага, дебил, а почему?! От рождения или упал в детстве; или переболел чем-нибудь, например, менингитом. А ведь это красиво! Небо такое чистое, тёплое; река шумит; солнце мягкое, не жжёт и тепло. На горке Дворец Спорта, похожий на ракушку в такой дымке. Чёрные стёкла в стенах блестят, и крыша у него волной, как у гриба старого или как белая юбка на девочке, что вон с папой прошла справа от меня. Папу за руку держит, деловая. И дебил этот на лавке сидит, лыбится; в спортивном костюме синем, кепка такая простая – из простой ткани, с пластмассовым синим якорем. Рядом старый велосипед «Аист», цепь ржавая, задний катафот треснул, брызговик самопальный из шины от МАЗа. А у дебила, если присмотреться, глаза злые; ногу на раму поставил, штаны задрались и икры волосатые видны. И я понимаю, что дебил – это Бог. Сейчас сядет на свой велосипед и уедет. И я понимаю, что вот он уедет, ему класс, будет кататься туда-сюда и дел у него никаких, как птичка. А я должен здесь остаться, в этом есть смысл. На будущий год с Галей на юг поедем. А вокруг столько красоты: утята с утками; мальчишки-рыбаки; мост через реку; свежий хлеб...

Мужчина испытывает оргазм. Мужчина снимает мячик, сворачивает его, кладёт в карман и уезжает на велосипеде.

Годы спустя.

Квартира Адамовичей.

Олег. Я осознал выбор элементарного действия. Единственным источником, побуждающим меня к действию вообще, является музыка. Когда новый аккорд, оказавшийся достаточно агрессивным, возбудил во мне желание действовать, я откинул книгу, вскочил с дивана, взял тетрадку, ручку и стал записывать то, что написал. И всё! Мысль, которая так обрадовала меня и вдохновила на действие, тут же утратила значение для меня. Акт её записи уничтожил очарование от самой мысли. Следовательно, думать о действии гораздо приятнее, чем действовать. Но господи, блин, как это банально всё... Тем не менее, в основе любого сложного поступка и поступка вообще лежит элементарное действие. Движение ног, рук, чтобы взять еду; движение челюстей, чтобы эту еду прожевать... И тут мне вдруг стало страшно! Ведь это видимое движение, а движение внутри меня, я же его не вижу! Биение сердца, ток крови, неспешное переваривание пищи в желудке, насколько просты эти действия, происходящие внутри меня? И разве музыка вызывает у меня чувство голода?

Галя (входит с сумкой). Вот здесь вот куроч...

Олег. Я не понесу ничего. (Кашляет) Неужели не можешь этого понять?

Галя. Как мне всё осточертело, как горькой редьке.

Олег. Что осточертело?

Галя. Люди живут вон, чуть не забиваются друг с другом. Батька, Игорь, они, Томка рассказывает, глотку чуть друг другу не перегрызут. А наутро – всё уже, вместе идут на работу... Это батька!

Олег. Так что, он сам сказал мне! Всё! Я ничего не понесу.

Галя. Мне самой идти? Мне каждый шаг, мне на рынок сходить, в хате убрать, мне всё перестирать надо. Когда я успею?

Олег. Я могу не есть!

Галя. Я тоже могу, так что?

Олег. Так не надо меня постоянно попрекать этой едой.

Галя. Ну уж батька тебя никогда едой не попрекал!

Олег. Да!

Галя. Уж еды-то он тебе никогда не жалел. Ты это, мой сынок, не говори.

Олег. Я ж вас попросил. Я ж не требую много! Я вообще никогда ничего не требую. Потерпите до весны – всё! Ну жалко еды, так я не буду есть! Я ж вам когда-нибудь хоть раз сказал: смотрите, как люди живут?! Вон детям всё дали. Квартиру, машины. Я вас упрекнул, что, блин, тридцать лет я живу в этом доме, блин, а толчка элементарного нету?! Ни душа, ничего, это ж можно было построить?

Галя. Так строй, кто тебе не даёт. Пожалуйста.

Олег. Дело не в этом.

Галя. Пожалуйста, строй!.. Выстраивайся.

Олег. Построю, только позже, потерпи.

Галя. Хорошо. Мне бы дожить до этого.

Олег. Доживёшь.

Галя. Ну это я только рада буду.

Олег. Я ж тоже, мама, не сижу, я постоянно пишу, постоянно.

Галя. Дай бог, сынок, дай бог.

Олег. Ну скажи, это плохо разве? Я ж не наркоман, не убийца... Ну что?.. Я шмотки себе, что я – в секунд-хендовских хожу, ну. У меня куртка чёрная моя, так она детская, за двадцать тысяч в секунд-хенде куплена.

Гая. Я тоже тридцать лет в одном пальто!

Олег. Так а чего ты не купила себе?

Гая. Потому что! Потому что жрать что-то надо каждый день!.. Вот сумка, так, я ему картошечки положила, сырки пусть перед сном скушает. Я пошла полоскать. *(Уходит)*

Олег в зоопарке смотрит, как Лошадь пьёт воду из корыта.

Олег. Здравствуй, Лошадь.

Лошадь. Здравствуй, Олег. Куда идёшь?

Олег. Несу отцу передачу... Вот пьёшь ты, Лошадь, воду из корыта, ешь сено, хлеб размоченный... Лошадь ты, Лошадь...

Лошадь. Олег ты, Олег.

Олег. Я вот сегодня подумал о дневном сне. Вот есть сон ночной и есть дневной. Вот дневной, он конкретно отличается от ночного. Ночной глубокий. Я ночью очень глубоко сплю, со снами там, со всем. А вот дневной, он лёгкий, как дымка, как ветерок. От любого шороха можно проснуться... Ночью, например, спишь, и если только очень громкий звук может тебя разбудить. Тихий – нет, не разбудит, а громкий – может, и просыпаешься отдохнувший. А днём наоборот. Просыпаешься, кажется, и не глубоко спал, а просыпаешься – голова гудит... Нет, сон необходим, можешь даже не спорить со мной. Вот, к примеру, во сне я не испытываю чувство голода. Правда, хочется потом, когда проснёшься, но во сне ж не хочется...

Лошадь. Не могу понять.

Олег. Я люблю спать. *(Ложится, спит. Лошадь ложится рядом)* Когда мы будем отмечать твой день рождения? *(Присаёт к Лошади)*

Лошадь. Хватит. И так уже один Маугли по зоопарку бегают!

Олег. Я его вчера видел одного, возле ворот, он... Странно это, конечно, и может кому-то показаться диким, определённо в этом есть что-то дикое. Я сам понимаю, но ничего не могу с этим поделать. Я не испытываю к нему никаких отцовских чувств, понимаешь? И это вообще такое... Быть отцом. Вот я думаю, к примеру: вот я отец и тут же – не отец... Как-то без разницы. Что так это, что так. А вот теперь, лошадь, представь, как тяжело главе государства, мы же все дети его? Он же нас любить должен! Я одного не могу, а он нас всех... Это трудная задача.

Лошадь. Я не могу понять.

Появляется мальчик – Маугли. Ведёт себя, как лошадь. Принюхивается, бьёт «копытом», сербает из корыта.

Олег. Бля... Неприятное зрелище, конечно.

Маугли. Я не мечтаю ни о чём... У меня нет мечт, или мечты, как правильно? Мне сказали, что мне уже по-лошадиному тридцать лет. Я не умею читать, писать. Я не человек, я тварь, животное, и больше всего на свете я люблю скакать. *(Скачет и ржёт)*

Олег. Лошадь, поверь, честно, где-то в глубине души он мне интересен, как явление такое своеобразное. *(Наблюдает за Маугли)*

Лошадь *(мечтательно)*. Не могу понять. *(Она всё понимает)*

Прислушавшись, Маугли большими скачками исчезает.

Олег. Нет. Между нами пропасть, ещё большая, чем между мной и моим отцом. Такое ощущение, что он думает только о гулях каких-то... А задуматься, как мы живём, зачем мы живём на этом свете? Ему, я вижу, это явно не объяснить. *(Лошадь улыбается)* Мозг нам дан для того, чтобы думать! Думай, Лошадь, думай, понимаешь?

Лошадь. Вот я и думаю.

Олег. О чём?

Лошадь. Не могу понять, чего я больше хочу: сена или хлеба?

Олег. Знаешь, как тебе объяснить, вот я пишу что-то всё время, пишу, как-то пытаюсь разобраться в себе. Моё творчество, оно в первую очередь для меня, ни для кого, это неправда, что мы что-то делаем для других. Моё творчество, оно для меня и только. Но мне было бы приятно, если бы кто-то прочитал меня, одобрил, может быть, заплатил какие копейки, мне много не надо. На самом деле. Я бы пришёл бы тогда и тебе по-доброму всё, сели бы с тобой, я бы сказал: вот, Лошадь, смотри, меня напечатали... А ты, может быть, не знаю что... Придумали бы что-нибудь. Главное, не терять духовность эту внутри себя, душой не очерстветь, не терять этот комочек хрупкий, душу свою. У нас такая богатая история...

Лошадь спит. Олег укладывается, засыпает.

Лошадь (зрителям). Не могу понять. Не могу. (*Пьёт воду из корыта*)

Лёша и Саша едут в машине. Лёша за рулём. Звучит гр. «Песняры», это играет радио. Оба молодые, оба уверенные в себе.

Лёша. У тебя хорошая туалетная вода какая-то.

Саша. Белорусские кастраты... Эта туалетная вода называется «Шипр». (*Улыбается*) Да. 960 рублей. Больше ничем не пользуюсь. А куда мы едем?

Лёша. Едем на «грин». Там где окна и двери делают.

Саша. Хочешь туда зайти посмотреть что-то?

Лёша. Мне там дела, мне там надо, блядь, рассчитаться там.

Саша. Как ты съездил в Польшу?

Лёша. Нормально, отдохнул. Ну, как бы, вот приехали, в сауну пошли, там. Аквапарк, сауна там, такая, с паром. Сухая просто.

Саша. А в каком вы городе жили?

Лёша. Белосток. Недалеко от границы.

Саша. Так это крупный город уже.

Лёша. Это самый крупный город в этой части Польши. Именно вот которая ближе к нам. Она такая зелёная и, как бы, поляки называют, э... столица зелёных лёгких Польши.

Саша. Зелёных?

Лёша. Это часть.

Саша. Непромышленная она, короче, да?

Лёша. Ну там, как бы, промышленность ориентирована была на нас, блядь, на белорусов. То есть там всякую хуйню делают. Лопаты. (*Саша смеётся*) Э... там, всякую хуйню, то, что у нас идёт, там.

Саша. Ну ясно.

Лёша. Э... там...

Саша. Грабли.

Лёша. Материалы, склады стройматериалов. Потому что белорусы едут за стройматериалами, а батька перекрыл эту хуйню. Теперь у нас свои стройматериалы появились. С Польши, как бы, не очень выгодно нам возить. Не, возят. Я был в Беловежской пуще со стороны поляков...

Саша. Разница? А ты был...

Лёша. Соплицово называется.

Саша. Как?

Лёша. Соплицово.

Саша. Соплицово?

Леша. Да. И там, ты знаешь... блядь, развитая такая инфраструктура. И вообще, это Европа, хули там, совсем другой уровень. Вот ступил через границу – и пиздец, и другая страна, и приятно находиться, блядь.

Саша. Да-да-да...

Леша. Как там пиздато. А ты вот ездил в Ригу...

Саша. Лёша, ну небо и земля. С нами не сравнить. Я вышел на наш проспект, да?.. Вот, казалось бы, бывшая советская республика, да, я в... Что мне казалось там, где «Октябрьская», вот, заебись улица центральная! Классная, охуенная! Всё сверкает. Мы выехали уже, блядь, границу переехали... Ё-моё, как убого вообще. Улица, которая мне казалась красивой, – она убогая. Я не мог придти в себя дня два наверно. Такое ощущение у меня было, что я турист в родном городе... Мне там... Ну совершенно другое...

Леша. Да.

Саша. Вот именно – Европа. Европа. Тебя вот так вот никто не просматривает, понимаешь? Всем похуй...

Леша. Да.

Саша *(усмехаясь)*. У нас же, блядь, снизу вверх, да?

Леша. Вот это вот...

Саша. Что это? Это вот типичный колхоз белорусский...

Леша. Это с... По одежке встречают...

Саша. Да-да.

Леша. У нас, у нас вот так всего. *(Показывает)*

Саша. А там похуй, как ты одет, совершенно. Ну, короче, блядь, это да... Куда-то везёт в жопу. *(Смотрит на дорогу)*

Леша. В туман...

Саша. В туман... Паси, туман. Как ты будешь Новый Год встречать?

Леша. А хуй его знает.

Саша. На колёсах?

Леша. Что значит – на колёсах?

Саша. Ну, я не знаю. Ты же всё время на колёсах. *(Улыбается)*

Леша. Ну вот ещё... блядь. *(Смотрит на дорогу)*

Саша. Это сюда надо?

Леша. Я постоянно поджимаю сраку, когда еду. Будто на велосипеде еду.

Саша. Серьёзно?

Леша. Серьёзно. Не могу избавиться.

Саша. Жопу расслабить. *(Смеётся)*

Леша *(смеётся)*. Камешком знаешь, тип... потому что...

Саша. Я ехал как-то вот тоже... Едем в лесу, дорога в лесу. И вот так вот ветки по капоту бьют, Лёша, да? По крыше. А я вот так вот голову пригибаю, бля, чтобы мне по голове... *(Смеётся; Лёша смеётся)*

Саша. Проехали... Так это, это радио, да?.. Слушай, у меня к тебе два вопроса, Лёша, слушай, значит. Вот может первый вопрос показаться дебильным

Леша. Давай, говори.

Саша. Но ты вот от этого вот дебилизма абстрагируйся и вот представь, что ты заработал все деньги мира.

Леша. Ну?

Саша. Что ты делаешь? Ты бухать будешь?

Леша *(смеётся)*. Нет. *(Смеётся)* Не буду, бля!

Саша. Не будешь точно?

Леша. Нихуя.

Саша. А что ты будешь? Всё ты заработал, больше нет. Ну куда стремиться... *(Усмехается)*
Ни у кого денег нет, только у тебя.

Леша (*серьёзно*). Хуй его знает. Благотворительность.

Саша. Благод...

Леша (*громко*). Раздавать уже их буду! Э... гулять буду. Но чтоб бухать... это же самый дешёвый отдых. Нахуя мне бухать. Я буду... Я буду получать удовольствие другим образом... Как-то по-другому...

Саша. Как – по-другому?

Леша. Ну...

Саша. Ну вот у тебя есть какой-то пример? А ты не будешь штамповать, допустим, на своём заводе новые деньги, чтобы потом опять их заработать?

Леша. Нет. (*Смеётся*)

Саша. Не будешь заниматься такой...

Леша. Буду... Буду, как бы... ээ... Мне нужна будет власть тогда, я буду... Я буду... э... У меня уже будут политические какие-то интересы. Возможно, это будет раньше, чем... Политические интересы, блядь. (*Смотрит на дорогу*) Свернуть.

Саша. То есть, такая хуйня по любому получается.

Леша. Политические интересы раньше, чем я заработаю все деньги. То есть, уже я буду заниматься политикой. Я буду, может быть, президентом страны. Остров...

Саша. Но вот...

Леша. Буду покупать острова! А потом опять уже денег не будет, я ж, как бы, вложу в эти острова и деньги, чтоб меня...

Саша. То есть, ты видишь тут какую-то чёткую связь: деньги, потом власть и политика, да? Вот эти все вещи, да?

Леша. Да. Ну политика, власть одно и т...

Саша. То есть, у тебя будут такие амбиции по-любому.

Леша. Конечно. В общем, это все...

Саша. А вот как бы ты, хорошо, вот ты вот...

Леша. Одно за одно цепляется!

Саша. Вот взял и стал президентом республики Беларусь. Зачем далеко ходить, острова покупать. Купи вот нашу (*смеётся*) республику! Что ты будешь делать? Знаешь, такое обустройство от Лёшика. (*Смеётся*)

Леша. Нашу республику... (*Улыбается*)

Саша. Ну вот ты купил, вот что ты сделаешь с ней?

Леша (*подумав*). Не хотелось бы, конечно.

Саша. Не хотело...

Леша. Но если будет продаваться только Беларусь (*оба смеются*), придётся взять. (*Смеются*) Поторгуюсь.

Саша. Хорошо, а ты хотел бы право выбора какого-то ещё, да?

Леша (*смеётся*). Ну вишь, из того...

Саша. Беларусь, Лондон, Великобритания, блядь, США...

Леша. Ну если уж...

Саша. Беларусь нахуй никому не упала. (*Смеётся*)

Леша. Если уж раскуплено уже всё... В Африке никто мне уже не продаст, там...

Саша. Ну.

Леша. Или, допустим, э... Ну, на север я не полезу... В тёплых странах где-то (*смеётся*), если ничего не будет.

Саша. Климат тебе наш не нравится?

Леша. Возьму...

Саша. Да, понятно. Я тебя жду – или что?

Леша. Да.

Саша. Или иду с тобой?

Леша. Я, короче, пошёл в... это самое...

Саша. Ты долго будешь ходить?

Леша. Нет. Короче, вот беру сумку и пошёл, ты посиди.

Саша. Ну хорошо.

Леша. Пиво пьёшь, не?

Саша. Сейчас нет.

Леша. Я хочу презент там одному челу выставить... *(Уходит)*

Саша. Взятку дал?

Леша. У?

Саша. Взятку дал?

Леша. Что ты читаешь?

Саша. Интервью Ренаты Литвиновой. *(Показывает книгу)*

Леша. Что за бабка там?

Саша. Хуй его знает, из фильма какого-то. Нравится тебе эта сучка?

Леша. Рената Литвинова?

Саша. Ну.

Леша. Нет.

Саша. Чего? Она ж всем мужикам нравится.

Леша. Мне нихуя.

Саша. Левая баба?

Леша. С ней, блядь... это самое... *(Твёрдо)* Ну уже очень женственная!

Саша. Очень женственная. *(Смеётся)*

Леша. Да. При ней бзданёшь *(Саша смеётся)*, так она хуй поймёт. *(Оба смеются)*

Саша. Ой... Куда ты сейчас едешь?

Леша. Сейчас, секундочку, вот здесь уже... А как книжка называется?

Саша. Это, короче, про фильм. Да. Это мне дали почитать. Фильм сняла, вишь. «*Богиня. Разговоры с Ренатой Литвиновой*». Фильм, значит, «*Богиня... как он... как я полюбила*».

Леша. Молодец она.

Саша. Молодец, что в плане свою эту фишку двигает. Ну, у неё речь, конечно, потешная, это однозначно.

Леша. Бля. Надо бабки поменять и где-то пожрать. *(Разговаривает по телефону)* Машина приехала?.. Вить, ну не забудь позвонить, мне надо с водителем переговорить... Ну конечно, конечно! Давай, да... Антон, привет! Слушай, это Алексей. А ещё можешь мне завезти одну ерунду... А?.. Ну вот сейчас, допустим... Значит, я... у... забываю, как этот район, короче, пс... А?.. Сейчас. Завезти надо нам на Мирошниченко, а везти надо из... Степянки... Да, совершенно верно. А ты где находишься сам?.. Ну так нормально тебе! Давай сейчас это сделаем!.. Давай так, ты едешь по... а... Радиаль... не, не по Радиальной, ты будешь спускаться вот по Ваупшасова, как бы вниз спускаешься, пересекаешь Радиальную и... во... и поворачиваешь... Да, едешь вниз, в лес заезжаешь, а я там буду тебя ждать... Там есть и прямо, и налево, и направо к молокозаводу, да?.. О, вот мы, к железнодорожной станции нам и надо, только мы с обратной стороны путей. Короче, ты знаешь там заправку на обратной ст... Как будешь спускаться, заправка стоит, по Ваупшасова с правой стороны, вот-вот! Я возле этой заправки буду стоять. Через сколько ты там будешь?.. Давай, отлично, в два нормально?.. Давай, едь, всё! *(К Саше)* Ёлку срублю!.. Блядь, нету ножовки. Сука, варварски не хочется.

Саша. Выламывать? Да срубишь ещё, успеешь.

Леша. Чем я срублю?

Саша. Возьмёшь топор и приедешь. Слушай, ещё один вопрос, а вот ты не боишься реально надорваться?

Леша. Надорваться?

Саша. Да. Ну я, блядь... я, блядь, имею в виду здоровье.

Леша. Значит, объясню следующее. Есть периоды, когда я думаю, блядь, ну так я долго не проработаю. Во-первых, меня заебёт – ради чего? Чтобы быть постоянно, блядь, в напряге таком?.. Я в напряге, да! Потому что сейчас я могу заработать только тем, что я вот, вишь, урвал! Мне надо, я во урвал сейчас, и я поеду дверь завезу, что я должен был сделать потом.

Саша. Ты мог бы сделать.

Леша. Должен был сделать, но я сделал это сейчас.

Саша. Есть у тебя страх, что ты вот как-то...

Леша. Есть ли что – что?.. Ничего я не надрываюсь. Во-первых, я работаю в удовольствие. Я получаю удовольствие, сейчас я нахожусь именно на таком уровне, что, как бы... Понимаешь, я... было, что я мог зарабатывать и в неделю вот некоторую и по пять тысяч долларов. Хорошо поработал, блядь, хороший заказ... Но как не понапрягаться, Александр?! Есть же ради чего, понимаешь?

Саша. Да. Но ты не думал, Лёш, ты смотри, бляха, какая у тебя жизнь.

Леша. Надорвусь? Я получаю удовольствие!

Саша. Вот смотри, ты пришёл домой... Вот ты пожрал и заснул.

Леша. Я могу с Олькой поебаться ещё. *(Смотрит внимательно на Сашу)*

Саша. Поебаться ещё, да?.. Хе-хе... Ну хорошо, а когда-нибудь через год, думаешь, сил хватит?

Леша. Так я не перенапрягаюсь, а мож... А может, вот ты подумай, может, это нормальный режим работы организма.

Саша. А Олька, что тебя целыми днями дома нет?

Леша. Ну что, она понимает всё... Я не напря... у меня... я зарабатываю знаешь чем? Я во понял. Я вот так вот сижу, и у меня так мысли так, и они так, они стыкуются, знаешь, блядь, гоп! Значит, мне нужно это. Новый напряг какой-то, ну, то есть, у меня день расписан. Хуйня, смотри. *(Показывает ежедневник)* Ты не просто! Полистай!

Саша. Ну рассказывай.

Леша. Вишь, всё чёрное, блядь. Крестики, нолики...

Саша. Да.

Леша. Выполнил...

Саша. Ну.

Леша. Всё выполняется. Невыполняющееся переносится на следующий день... более важное вперёд, более плохие наз... и ненужные назад. Потом, значит, я вот, блядь, что-то записано, а потом раз! Новая хуйня появляется. И у меня уже, как бы, напряг пошёл. Пошла система, так... Тут у меня мысль, так – гоп! Щёлк! И у меня, как бы, всё получается. У меня форточка какая-то, туда шлёп полчаса. Кто-то попросил, отодвинул кого-то, раз-раз-раз и сделал дело. Заработал чего-то...

Саша. То есть, в принципе получается то, что всё это пиздёж. Что типа там, блядь, бизнесмены, блядь, они жопу рвут, а в итоге ради чего только здоровье гробят.

Леша. Что за бред? Это выдумки лентяев просто.

Саша. Неудачников, у которых что-то не получилось, да?

Леша. Ну ты мне говорил, типа, хуйня, там... это самое... вот, говорят, зачем это, нужны связи, бля... Что значит связь? Связи – это знакомства...

Саша. Ну, да-да.

Леша. Так они же зарабатываются. Вот отец тебя порекомендует кому-то, блядь, или сваты, сват. Вот же брат, пожалуйста. У меня есть человек, у которого реально полмиллиона долларов. Твой...

Саша. А он у нас живёт?

Леша. Твой одногодка, представь!

Саша. У нас живёт?!

Леша. В Беларуси. В Фаниполе, в ебенях, вообще в жопе, бля, в Фаниполе живёт. На электричке от Минска сорок минут пиздовать ещё.

Саша. А ты?

Леша. И он уже имеет полмиллиона. Он, какие у него знакомые были? И он сейчас своего брата, да, вот он, кажется, он уже всех знает, да?

Саша. Ну.

Леша. Он многих знает, он делает, премьер-министру сейчас строит коттедж, ну как – строит. Курирует это... Вот врубайся. У него есть брат, трохи такой неудачник, можно сказать, ну как, ну зарабатывает что-то там; трое детей, но нихуя не может как-то вот... Хуйня! Зарабатывает хуйнёй, хоть что с того, что у него машина, он 200 долларов, 300 зарабатывает на стройке, где должен человек зарабатывать тысячу в месяц в наших условиях, чтобы нормально работать. И он говорит: Лёша, помоги мне с этим, ну, с моим братом. То есть устрой его раб... ну, то есть, давай ему работу какую-то там, и он будет всё исполнять, а ты ему плати. Плати не просто так, а за дело, за работу.

Саша. Ага.

Леша. И я так подумал, что, в принципе, пускай. Буду. Мне просто этот человек как бы...

Саша. Ну ясно.

Леша. Интересен. Мне нужно с ним поддерживать отношения, потому что...

Саша. Таких людей, как он, много у нас? Наверное, это как бы случай уникальный.

Леша. Хватает.

Саша (*удивлённо*). Хватает?

Леша. Хватает. Вот эти все вот финки, что я тебе говорил, сейчас под Новый Год повысили процент до восьми. Представляешь? Сумма сорок тысяч долларов, я сейчас, меня, через меня переправляют. Я свой процент закинул, это сорок. Это четыреста долларов я заработал, просто...

Саша. Да.

Леша. Просто.

Саша. Ну ясно.

Леша. Перегоны денег. А они зарабатывают четыре процента. Они сорвут вось... э... штуку, а я четыреста.

Саша. То есть, фактически получается, что я думал, что...

Леша. Как он может не заработать миллион за, там, за год, за два, если он, блядь, э... в год, в месяц зарабатывает там, блядь, по 15, по 20, это только с какой-то ерунды там, понимаешь?

Саша. То есть получается, что...

Леша. К тому же...

Саша. Как я думал, что твоя ситуация как бы уникальна, да? Что типа в тех условиях, в которых мы живём, невозможно заработать денег.

Леша. Нет. Я уже тебе говорил, правила игры определённые.

Саша. Но ты говоришь, что можно.

Леша. Правила игры! Всё очень просто!

Саша. Я могу?

Леша. Да. Если ты будешь по правилам жить.

Саша. По каким? Какие правила?

Леша. Какие правила? Ты должен что-то делать. То есть ты должен чем-то заниматься, возле какой... какого-то источника стоять. Значит, если ты, нет ничего... ни денег нихуя, ты должен овладевать профессией, то есть... У нас куча фирм, которые продают и много места, ну, кто нуждается. Все продают и все покупают. Ты должен, значит, что-то продавать. Если у тебя нечего продавать, значит, ты должен перепродавать то, что кто-то продаёт. Если ты прод... Вот я продаю сейчас окна, ворота, роллеты, всякую хуйню и коробки, всё, что может быть связано с этим делом... И... у меня этого ничего нет, но у меня есть голова. Я знаю, где это всё взять, где и что, то есть, это я говорю тебе про свою сферу. Вот, то есть, и правила игры такие: если ты

что-то можешь, то есть Алексей, он может окна, двери, ворота, может к срокам всё сделать и без вопросов, и ещё, блядь, примет деньги по безналу и, может быть, откатить тебе. Организация покупает у меня окна. Звонит мне человек с этой организации: Лёха, мы будем тебе платить, там, окна, там, сто штук у тебя будем заказывать. Закинь мой процент. Я ему закидываю, организация, даю ему цену на эти окна, он, если он сидит на этом месте, то есть, человек, он, который это самое, он тот человек, который определяет, заказать, не заказать, допустим, да? Или весомое слово. Он говорит, надо заказать, хороший парень на меня, и заказывает и покупает у меня сто окон. А я ему заряжаю не по 250, а по 270...

Саша. Ну ясно.

Леша. И десять долларов, ну, короче, он зарабатывает там тысячу, блядь... И, короче, это вот так вот – тыща-тыща-тыща-тыща, десять, двадцать, нахуй. Ну как не заработать?!

Саша. Но в итоге... В итоге, блядь, всё равно бы нашу страну не купил бы.

Леша *(улыбается)*. Ну это... Это уже глобальная экономика. *(Саша смеётся)* Не купил, а что мне с ней делать? Тут все друг друга наёбывают, то есть...

Саша. То есть, я могу сделать такой вывод. Во-первых, что всё это, это пиздёж.

Леша. Да, пиздёж.

Саша. Что в нашей стране, да в любой стране есть такие люди, которые при любых обстоятельствах могут что-то делать.

Леша. Я могу тебе дать книжку почитать.

Саша. Ой, не надо мне мотивационной литературы. *(Усмехается)*

Леша. Значит нет, просто искусство, как стать миллионером, миллиардером. Миллиардером, не миллионером; миллионер, это уже как бы, это уже нормально совершенно. В любой стране, Индия – голая страна, была, но сейчас как бы неплохо развивается, – есть свои миллионеры. Богатые индусы – миллиардеры. Миллионеры есть, естественно...

Саша. А ты, как ты, платишь налоги?

Леша. Я плачу налоги, ни хуя я не плачу.

Саша. Хе-хе, ни хуя не платишь.

Леша. Потому что мой...

Саша. То есть, ты бандит, Лёш! Понимаешь, в чём вся хуйня?

Леша. Ну?

Саша. Ты не бизнесмен – ты бандит.

Леша. Какой я бандит?

Саша. Ну а кто?

Леша. Я бизнесмен, который может работать без имени, и за что нужно платить? Регистрацию. Ты зарегистрировался ипэшником, или фирма.

Саша. Ну.

Леша. И ты платишь. А зачем? Ипэшником тебе нужно быть, чтобы платить, как-то официально работать. А мне вот пока это не нужно. Я работаю...

Саша. А вот тебя не могут вычислить и к ответу привлечь?

Леша. А кто меня? Вычисляют, смотри, вычисляют, как у тебя производство нелегальное какое-то, ты хуяришь там...

Саша. Ну.

Леша. А меня вычислят как? Везу я, бля, да? Где документы? Ну нету! Ах, сука, нет документов?! Забрали окна, нахуй, ну дали штрафа, нахуй...

Саша. Да, и всё?

Леша. Слушай, все такие подпольные, Александр, если бы... Ну ты же, я тебе хочу только объяснить.

Саша. Ну?

Леша. Потому что действительно ты чувствовать не можешь, что у нас много богатых людей! А я тебе скажу...

Саша. Не вижу, понимаешь...

Леша. Их очень много! Вот я их вижу! Наверно, процент, конечно, небольшой, процентов 10, может, 5. Я к их числу не отношусь, я обычный... Ну, конечно, интересно было бы узнать, да? Так вот, рейтинг такой вот, раз, чтобы, как бы, ну, по-честному, честный рейтинг, допустим, но что это за деньги.

Саша. Это вот я живу, я не знаю, на самом деле. Я живу, я не знаю, я вижу только одну сторону. И я уверен, что все вокруг меня нищие.

Леша. Это пот... Такое чувство оно... э... По-любому, оно настигает тебя. И меня настигает очень часто. Это не только ты, мы все люди такие. Буквально какая-то неделя в другом режиме работы, более спокойном, и уже начинаешь нервничать. Блядь, а что это всё, нахуй, вот и пришёл этот день...

Саша. Когда пизда, да?

Леша *(усмехается)*. Когда пизда.

Саша. То есть, ты ждёшь этот день?

Леша. Да я не жду! Я бэ... Я делаю, я как-то так работаю, что... э... Я много чего умею, понимаешь? Поэтому... Этот день придет, я думаю, нескоро. Но бывает... Но я никто! Для обычного мента я просто, блядь, безработный, нахуй. Нигде не работающий, блядь, такой-то такой-то, понимаешь? В нашей стране вот так, ты не человек. Вот, пожалуйста, на моём примере! Заработал ст... больше ста тысяч долларов, блядь, и не украл, и никого не обидел, и участок купил, у меня пять машин, три магазина, и, как бы, прямо смотрю вперёд, ничего не боюсь. А теперь, Александр, я тебя высажу, бо... Ну, много дел. Короче, тут ходит междугородний автобус, каждый... час; выходи.

Саша. Ты не довезёшь меня до города?

Леша. Нет.

Саша *(улыбается)*. Почему?

Леша. Много дел потому что у меня в обратной стороне.

Саша. *«Понятно, пока».* – Я вышел из машины и тут же провалился в снег. Вокруг был сплошной высокий лес, тяжёлый от снега, и... остановки я не наблюдал.

Олег верхом на мальчике-Маугли с опаской разглядывает Сашу. Для Саши они остаются незамеченными.

Саша. Белый густой дым вылетел из выхлопной трубы Лешино автомобиля. Я сел в снег, повернул голову. В тумане над чёрной дорогой исчезали горящие фары. Я стал есть снег и вытирать им лицо. Я так и не решился задать ему те главные два вопроса. Сказать своему другу правду.

Олег верхом на мальчике-Маугли гордо дефилирует мимо Саши. Саша реагирует.

Олег. Тпру! *(Останавливает Маугли, Саше)* Он сейчас хрящик, зверёныш, его куда вильнёт, он туда и пошёл. В таком возрасте их надо держать в узде. Не осмотришься! Как мой батька! Я на него дуюсь, но лет через 15-20 я пойму. Так и он поймёт, может, когда-нибудь, если зверя в себе убьёт, да, боюсь, будет поздно. Когда уже рядом не будет родного, доброго человека... А можно сейчас, по-доброму. Зачем скандалить, хлопать дверями, просто придти к батьке, просто спросить: папочка, как у тебя дела? Чем ты живёшь? Что пишешь, может быть. Чем тебе помочь? Нет, у него же соображения не хватает. Ему бы только по зоопарку носиться.

Саша. Скажите, а...

Олег. Батька есть батька! Это закон. Не мной придуман, и через поколение...

Саша. Скажите, где здесь остановка, чтобы на город ехать?

Олег *(улыбается)*. Извините, бога ради, что я свои проблемы на вас. Я подумал, что... Как это сказать.

Саша. Мне туда или туда?

Олег. Надо, чтоб хоть кого-то боялся в этой жизни. Вспомнит потом батьку добрым словом, обязательно вспомнит. Он, к примеру, стихи учить не хочет, памяти, между нами, ноль. Я ему раз по жопе – шлёп! Учи стихи, через силу, страх, но учи! Мать, говорю, а ты не лезь! А потом выучит, и самому приятно, когда выучишь!

Саша *(улыбается)*. Хорошо. Но это не даёт вам повода ездить на нём верхом.

Олег *(резко)*. Это даёт мне всё!

Саша. Ладно, это как бы... Скажите, а где остановка?

Олег. Я скачу быстро!.. Но! *(Гордо дефилирует по сцене)*

Саша идёт рядом. Некоторое время молча идут.

Саша. А что это за район вообще?

Олег *(игнорируя Сашу, к Маугли)*. Проблемы, сына, бывают у всех. Жизнь, она не только из белых полос состоит, а ты уже не ребёнок и должен понимать. Ко мне ты обратиться можешь всегда, я помогу всегда, советом, добрым словом, чем смогу, тем помогу.

Появляются раздвижные ворота. Ворота закрыты. Олег останавливается. Саша оглядывается.

Олег *(к Маугли)*. Ну ничего, не переживай, я рядом, всё образуется.

Саша. А где остановка тут?

Олег *(к Маугли)*. Я знаю, что...

Саша. Вы ж можете сказать, я ж к вам обращаюсь, ну?!

Олег. Я не знаю.

Саша. А... Ну понятно, то есть. *(Усмехается)* Какая мелочность. *(Смотрит на ворота, стучит в них, подпрыгивает, чтобы заглянуть за них)* Эй, але, тут есть кто?!

Появляется Глеб Адамович, не из ворот. Он инвалид, на костылях, левая нога до колена отсутствует. В руке пустое ведро.

Саша. О, ну слава богу, а то я...

Олег слезает с Маугли.

Саша *(улыбается)*. Хоть вы, может, хоть подскажите мне, как до Минска доехать? Где тут остановка какая, или что...

Глеб. Остановка...

Саша. Ну да, что-то...

Глеб. Остановка... так это...

Саша. Ну да, чтоб доехать, выбраться отсюда хоть...

Глеб. Сейчас объясню. *(Ковыляет к Саше)* Тут у нас остановки, маршрутки ходят, автобус с вокзала там который на дачи... *(Сбивает Сашу с ног, наваливается, душит; Саша сопротивляется)*

Олег. Может, помочь что?

Глеб душит Сашу.

Олег. Давай я помогу! Вместе ж оно всегда...

Глеб. Всё уже. *(Восстанавливает дыхание)*

Саша лежит неподвижно.

Квартира Саши.

Саша. Я не буду этой заряженной водичкой заниматься. Я тебе говорю сразу. Мне это не... неинтересно.

Бабушка Саши. Даже тряпочкой...

Саша. Я не буду, бабушка.

Бабушка. И помыть...

Саша. Я не верю в этот бред весь! Херню в эту, водичку твою...

Бабушка. Не надо так говорить... Так грех.

Саша. Грех?.. Какой-то, как его зовут?

Бабушка. А?

Саша. Как зовут этого врача?

Бабушка (подумав). Конов... Сяргей Сяргеич Коноваленко.

Саша. И что он будет делать?

Бабушка. А?

Саша. И что он делает?

Бабушка. Эх... У яго у Ленингради... сделан... такое... освобождено помещение... называется храм. Это святое место... И он что? Он сидит. Стулья, это я в книжки в этой вычитала... Стулья, приходишь, занимаешь себе место, садишься. Плавная музыка играет, лечебная такая, успокоительная. Кто сразу садится, многия засыпают и спать увесь сеянс. Сеянс идёт два часа, но, конечно, ён на перерыв бывает. Да. И очень, очень помогает... Вот слушай у меня, мне много чего уже помог.

Саша. Ну хорошо, а что ты делаешь?

Бабушка. Что?

Саша. Ну вот, как он тебе помогает, что ты делаешь?

Бабушка. Читаю книжечки яго... э... и... Там в яго есть молитвочки. Вот я сёння встала...

Саша. Так он типа священника?

Бабушка. На букву...

Саша. Уже прямо...

Бабушка. А?

Саша. Ничего. Ты и книжки куда-то кладёшь на тело?

Бабушка. Что?

Саша. Книжки куда-то на тело кладёшь?

Бабушка. Нет. Я под... под простынь, под голову. Надо.

Саша. И спишь на них?

Бабушка. Нечётное число. Раскрывать и всё. И я вже вот недели две, как сплю, стала спать лучше. Это самое, спокойней стала как-то. Печёнка моя успокоилась почти. Почти... Учера супу зварила, ды жирный! Думаю, боже мой, так правда я фесталь приняла и менавозин, просто предупредила себя, чтобы ночь не мучацца. И... и ничего. И я это, знаешь что, Саша, водичку ты пей, это ничего. Пусть ты не читай книжечки, ничего, но ты не думай плохое.

Саша. Да я не буду пить, ну мне нечего делать, я...

Бабушка. Даже тряпочку...

Саша. Я так воду не пью, а я буду эту воду пить... Я не собираюсь этого делать!

Бабушка. Вот утром натошчачок, это в лицо промой...

Саша. Да нехер мне делать больше...

Бабушка. Усё...

Саша. Заниматься не буду...

Бабушка. Саша, послушай, э... ун... какая маладыя, усё...

Саша. Ну хорошо, молодые, ну...

Бабушка. Пишут, что там один, сам студент про себя, что говорить... *(Громко)* Я никогда не думал, что я войду в эту веру, там, усё, и говорить... эта... Я студент! Я совсем другой человек, но я, говорить, усё, и, говорить, у меня, хоть мне ничего не болело, меня просто интересовало, но усё равно были болячки! Много снимало, так что ты, Саш. Я вот на это ужо уже чуть стало... от пощупаю, дык оно отживает, но...

Саша. Ну хорошо. Тебе помогает, мне это не надо сто лет.

Бабушка. Чаго тебе не надо?

Саша. Ну потому что мне не надо пить эту водичку! Зачем она?

Бабушка. Вот эти буклет, которые там есть портреты яго, дык и в... и на море мораци, и самолёты, и студенты с собой носить. Усюдых, у яго такая анэргия.

Саша. Ты мне расскажи, что там будет в воскресенье, что там будет?

Бабушка. А?

Саша. Что будет в воскресенье?

Бабушка. Када?

Саша. Ты говорила, что будет какой-то сеанс...

Бабушка. А...

Саша. Что это будет, расскажи? Как?

Бабушка. Ну вот он... У раз у воскресенье, в 21... уу... по ихнаму времени... у нас будить восемь три... восемь, а в их будить 21.

Саша. По ихнаму, это по какому?

Бабушка. По российскому.

Саша. Так.

Бабушка. Он же ж к России относицца... Да. Дык будит проводить полчаса усяго. На... это один раз в неделю такое. А такая малыя сеянсы, он кожэн день, там милиён, туда не попасть.

Саша. Ты мне объясни, как этот сеанс будет проходить?

Бабушка. Сеянс... Вот ты сидишь у крэсли...

Саша. Ну...

Бабушка. Ну и ттт... ты задумав, там называется, как анкета, как что. Ты задумав, просишь у Господа Бога, у Сяргей Сяргеича, у свайго ангела... эх... чтоб помог. У чём ты нуждаешься. Вот примерно я прошу, чтоб мне сняли боль у суставах, в ногах, чтоб я сходила в магазин. *(На слове «магазин» начинает плакать)*

Саша. Чего ты плачешь?

Бабушка *(сквозь слёзы).* Это меня заставляет ён плакать!

Саша. Он заставляет плакать, да?

Бабушка. Ну!.. И говорить... Когда начинаешь молитву... дыды... что делать, сеянс... плак... *(Твёрдо)* Плачь, скока хочешь, скока хочешь, надо выплакацца. А основная в меня то, что просьба... *(Задумывается)* Пей... эта основная вылечить голову. *(Плачет опять)* В общем, прошу это... Ну и пишить, что *(успокоилась)* у своей жизни бывает на протяжении вашей жизни, много всяких случаев было. Что вы это ноль подсечку, в общем, внимание не обращали, и ваше... организм мучался столько лет и вы мучались, мучайтесь... так что... вспомнится, и никакую молитву, а как свою молитву проситя Господа Бога, чтоб вон эта усё отнял у вас. Понимаешь?

Саша. Так ты скажи, как сеанс будет проходить в девять часов?

Бабушка. А?

Саша. Ты будешь сидеть в кресле, а он по телевизору будет на тебя что-то говорить, или как?

Бабушка. Нееет!.. Анэргия на меня яго действует.

Саша. Не по телевизору? Ты его видеть даже не будешь?

Бабушка. Да не!

Саша. Он будет сидеть где-то в своей России и в девять часов на тебя энергию проецировать?

Бабушка. У Питер... У Питербурги ён. У яго храм, как театр.

Саша. Да?.. Ну занимайся, мне это не надо.

Бабушка. Саша. Пей водичку, я тебя прошу.

Саша. Бабушка, ну я не верю в эту херню.

Бабушка. Не херню. Сашенька, не надо так говорить.

Саша. Ой, бабушка, но это херня, понимаешь?

Бабушка. Не надо так!

Саша. Полная херня!

Бабушка. Этак говорить.

Саша (*смеётся*). Такая муть!.. Но если ты веришь в это – хорошо. Занимайся, если тебе лучше становится, если он тебя плакать заставляет. А чего он тебя плакать заставляет, а не смеяться, интересно?

Бабушка. Нет.

Саша. Плакать – это же плохо, лучше смеяться.

Бабушка. Эт... это выходит усё плохое.

Саша. Всё плохое, да?

Бабушка. Ага. И это там... плакать и спать. Спит... бываить, что просыпают люди, сидят у кресли по... по этим сеянсу...

Саша. Так это какой-то Кашпировский! Тот страну обманывал...

Бабушка. Нет!

Саша. Сколько по теле...

Бабушка. Нет!!

Саша. ...визору и твой

Бабушка (*кричит*). Не! Не!

Саша. Сергей Сергеич Конов...

Бабушка. Это не кас...

Саша. ...валенко

Бабушка. Это не Кашпировский! Нет!!... Нет!! Я ж ходила к таким! Дык...

Саша (*усмехаясь*). Один чёрт, по-моему.

Бабушка. Нет-нет-нет!

Саша. Дурит народ, и я не знаю...

Бабушка. Вот послушай, что мне было у воскресенье, со мной... лежала я на тым диване...

Саша. Подожди, не рассказывай, мне тут надо кое-что сделать, и потом расскажешь.

Бабушка. Нет, я скоренька...

Саша. Подожди!

Бабушка. Лежала, мысленно усё перечитала. Эта нога, у тапках ляжу у этих новых... усё... вот тут вот, как проволока (*показывает на ногу*) якая. Думаю, а хтой-то мне эту самую в ногу уторкнул, усадил проволоку. Щупаю – нема проволоки. Начинаецца во до сих пор. Ат этуль, во до сих пор боль и как пух. Нету! И так! (*Громко*) И эта проволока... Я тада думаю, а я лежала на буклете, ну, варила кое-что... усё... И вот эта анэргия подействовала. Вот не знаю, позвонить тёти Алы, другой раз попозже... Вот у туалет сходить... Так эта самый. У мяне не палуцаецца анэргии брать. Нада... Я стоять и заплюшчивши ва... гла... вачами я не магу, я падаю. А, Ала мне сказала – ложись. Я лежу. И там пишут, что и лежучи, ну усё, да... Дык ляжешь, и нада представить этый яго... яго самого... Чумак... этого Коноваленко... Коноваленко.

Саша. Ты ж, не знаю (*усмехается*), забываешь, как его зовут!

Бабушка. И слушай... Сергей Сергеич...

Саша. Сергей Сергеич из Петербурга.

Бабушка. А?

Саша. Из Петербурга: лечит...

Бабушка. Да, яму...

Саша. Сколько книжек он уже таких лечебных наделал?

Бабушка. А?

Саша. Сколько книжек он лечебных наделал?

Бабушка. Ну мне надо, каб адну ты купив.

Саша. Хорошо.

Бабушка. Эта я тебе запишу, усё...

Саша. Так что ты думаешь, он тебе жизнь продлевает, или что?

Бабушка (*подумав*). Знаешь что – он убирает болезнь

Саша. Да? Так, можа, он и омолодит тебя потом вообще?

Бабушка (*громко*). И обмолаживает! Эта...

Саша. Да?

Бабушка. Вот водичка, протирать лицо, морщины...

Саша. Так а зачем?

Бабушка. Уходит усё. Ну дык послушай, и эта нога мне. А потом я так помассажировала усё... и прошло. Эта боль уходила так вот, видишь? Ат нее, что ты?! Не-не, я верю.

Саша. Ну хорошо.

Бабушка. Никому так не верила, как...

Саша. Как Сяргей Сяргеичу...

Бабушка. Сяргей Сяргеичу Коноваленко... Очень и очень помогает...

Саша. Ну хорошо.

Бабушка. Но я не умею эти сеянсы сама делать... с удовольствием. Ишчэ я никак не приспособилась, я чувствую, что я, а если делаешь не так, как он, так, говорит, это потом пациенты яго зачаровываюцца и, говорит, ничего мне не помогло, пишут. Да... потому что неправильно. Я чувствую, что я неправильно делаю, дык, эта самое, как навчицца вот, как анэргию эту получить?

Саша. Ну я не знаю, бабушка, как тебе получить энергию.

Бабушка. Вот слушай, там, закрой глаза и приставь яго портрет, и праси в яго и у ангела свайго усё... Дык у меня не представляецца он перед собой.

Саша. Не представляется?

Бабушка. Уу... Он пишеть, что многия, что не могут никак представить перед собой...

Саша. Ну ты тренируйся.

Бабушка. Трениравацца?

Саша. Закрывай глаза и представляй Коноваленко...

Бабушка. Да. Вот так надо!

Саша. Посмотрела на фотографию, глаза закрыла и представляй.

Бабушка. Ну, Саша, ну он хороший...

Саша. Ну хорошо. Если тебе хорошо от этого, хорошо.

Бабушка. У яго было 8 книг, а тяперь уже, знать, больше. А у меня тока чатыри... Пять ужо! Асновная, главная, большая. Ой, краса, красивая очень. Буквы крупные, доступно читать усё. Нет, он помогает. Он помогает!..

Саша. Хорошо, я рад, что...

Бабушка (*громко*). Попей, Саша, тебе нада водичка обязательно!

Саша. Зачем мне эта водичка?.. Зачем она мне?

Бабушка. В тебя столько болячек усяких.

Саша. Ну хорошо, ну так что? Я не верю в эту херню, я не буду это делать.

Бабушка. На что ты гаворишь «херню»... Не надо так говорить. Не веришь, но не говори.

Саша. Ну хорошо. Но я пить воду эту...

Бабушка. Не надо так. Это большой грех.

Саша. Хорошо. Он прямо святой, твой Коноваленко, да?

Бабушка. Он профессор!.. Красивый мужчина, видный мужчина.

Саша. Ну хорошо, ты будешь звонить?

Бабушка. Нет, я тебе отдам.

Саша. Ну тогда я буду звонить и заниматься своими делами. Мне уже надо уходить.

Бабушка. Ну это надо уже всю жизнь с ним иметь связь, лячыцца и каждый день подчитывать усё.

Саша. Угу. *(Выходит)*

Бабушка. Ну и что... А что мне времени хватает. Есть Коноваленко. Вот теперь он у мяне уже до гробовой доски. Усе будет со мной. Он самый хороший лекарь, он самый хороший. Эти ж книги, они же пропитаны яго лечением, каждое слово лячебное, каждое слово действует на тебя. А... ты каб почитав. *(Высматривая, кашляет)* Даже в вазоны водичку эту поливают в огороде, даже колорадский этот зук, жук поддыхает. *(Саша входит с девушкой. Бабушка девушку не видит)*

Саша. Слушай, у меня к тебе есть вопрос... Вопрос есть!

Бабушка. Что?

Саша. Скажи, вот если тебя обидел какой-то человек, тебе знакомый. Ты бы вот ему мстила или нет? *(Бабушка молчит, думает)*

Бабушка. Ну... всю жизнь не будешь мстить.

Саша. Ну у тебя бы было желание как-то вот ему насолить?

Бабушка. Ой...

Саша. То есть вот если бы ты про него что-то знала такое плохое, нехорошее. Допустим, он от государства что-то скрывает. И он тебя очень крепко обидел, ты бы ему сделала что-нибудь?

Бабушка. Нет! Я б ему ничего не делала, но я б знать не знала яго. Для меня он бы был бы мёртв. Не существует, вот так я...

Саша. Да?

Бабушка. Да. И для меня этот человек не существует.

Саша. Ну короче ты бы не мстила, да?

Бабушка. Нет!

Саша. Ни в коем случае, ни под каким предлогом?

Бабушка. Нет. Вот так, я яго не знаю и знать не... в общем, короче говоря, он для меня не существует.

Саша. Хорошо.

Бабушка. Вот так! А ты как хочешь...

Саша. Хорошо. Давай я тебя выведу и буду заниматься своими делами.

Все уходят. Саша возвращается с телефоном в руке, девушка рядом с ним. Саша сосредоточенно думает, уходит, девушка следом. Пауза... Саша входит с куском мяса в руке, у девушки цветок ромашки.

Саша *(втыкает в мясо шприц)*. Пять магазинов, ёб твою мать! И хуй с тобой.

Девушка отрывает лепесток. Саша втыкает шприц, девушка отрывает лепесток. Так они продолжают, пока на цветке не остаётся один лепесток. Саша хмурится, оглядывается, словно ищет что-то. Выбрасывает мясо, шприц. Девушка берёт вазу с водой, ставит в неё цветок. Саша решительно протягивает ей руки. Девушка одевает ему наручники. Саша садится на пол. Ему скучно, ему плохо, его ломает, он подрывается к вазе и, отбросив цветок, пьёт воду. Входит Лёша в длинном пальто. Выглядит он плохо, очень подавлен. Девушку Лёша не замечает.

Лёша. А хочешь, я тебе что-то расскажу, может тебя это ещё больше всколыхнёт?

Саша замечает Лёшу, перестаёт пить воду, ставит вазу.

Леша. Короче, представь Бима, только моложе, моложе ещё. Собака молодой и пришёл, короче блядь, после отлучки; три дня его не было. *(Саша ложится спиной к Лёше)* Сейчас же собачьи свадьбы. Пришёл он, короче, со сломанной челюстью, не то что со сломанной, просто нижняя челюсть пополам и болтается. А тот хозяин собаки был моим соседом, Андреем, который, блядь, играет на гитаре; который, блядь, тебе не нравится. Он мне позвонил и попросил, чтобы я взял ружьё и приехал застрелил его собаку. Я уже отказывал Петьке, блядь, отказывал, я не могу, когда собаку видел уже, никто наверно так, блядь, не сможет. Взял патроны, у меня была только мелкая дробь. У меня их очень мало осталось, если по охотничьим терминам, четыре ноля, ружьё заранее выложил, ну и потом просто взял, загрузился в машину и поехал, что собак просто не лечат вообще с такими ранами. За день на охоте можно двух собак потерять. Просто так, забьёт на охоте машина. Поехал я к ним. Собака стоит вся окровавленная, не скулит ничего. Она не скулит, может быть, потому, что скулить нужна нижняя челюсть. Все, кто видели её, смотреть на неё больше не хотят, потому что невыносимо. Я вообще не хотел это дело растягивать. Сидят два молодых хлопца. Я сказал, чтобы они отвели её в огород и привязали к забору. Было уже темно, в принципе, часов 7 уже, сейчас стемнело. Я пошёл, говорю, смотрите, чтоб никто не шёл. Ну короче, подошёл к собаке и боялся увидеть эту челюсть. Я до сих пор её не видел, только глаза и всё такое. Единственное, там банька в стороне, но короче, можно было всё это сделать без особого грохота. Я подошёл к нему, ну, чтобы увидеть, где он стоит, потому что темно. Забор не на улицу, его привязали, а забор между участками. То есть там огород у человека и здесь огород. Ещё общее состояние у меня было херовое. Я тогда с Олькой поругался. У меня был бодун, колотило меня очень сильно. Короче, я приложился, сразу не было силы долго думать, стрельнул. Постарался прицелиться... С собакой с этим на крестинах до этого играл, баловался с ним, злил его. Когда стрельнул, я промазал и отстрелил ему ошейник. Собака сорвался и побежал. Не то что выл, он вопил. Я ещё раз стрельнул и попал ему в лапу. Он хромал, но всё равно пошёл дальше, кругами нарезал по участку. А все очумели вообще, они думали, что это механизм такой – пришёл охотник, а тут бах – и не застрелил. Поехал за патронами. Поехал, покопался, я знал, что у меня остались патроны на утку – тройка, на расстояние 20 метров максимум. Если дальше, то подранки будут просто уходить. Ну взял патроны, в двух словах Ольке объяснил, что тяжело на душе, собака мучается. Она в своём, блядь, стиле: *«Нахуй, собаку жалко, но...»* Ну у нас как бы уже к примирению шло, говорю: *«Надо помочь»*. Люди бестолковые, и опять этот Андрей едет на заработки, каштаны в Португалии собирать. Португальцы работают 8 часов, а белорус 16. Оплачивается вояж. Я поехал, привёз два патрона и вызвонил одного парня. А он парень попроще – колхозный, батька дальнобойщик, такие могут и свинью обухом топора... Ну, в принципе, молодец. Хотели в будке. Она летала, летала и в будку забилась. Но я говорю, ещё дробина отскочит, надо на улице, потому что человек, который суёт ружьё в будку, рискует... Я уже не ходил, бо у меня сил уже не было. Я ходил, нервничал, ждал этого выстрела, и так – шлёп-шлёп, звук тихий, в землю ушёл, земля взрыхлённая. Собаку отвезли на тростенецкую свалку и закопали. Он у них до этого пожил месяца два-три. Кто-то сказал, что в огороде нельзя хоронить... Ты ничего не хочешь мне сказать, друг?

Саша. Мне стало вдруг так неприятно, как будто раскрыли мой самый тайный секрет... *«Что-то мне плохо»*. *(Собирает лепестки ромашки и втирает в артерию шеи)*

Леша достаёт ружьё, наставляет на Сашу. Решается выстрелить. Саша не замечает ружья.

Леша. Гавкай!.. Гавкай, ёб твою мать!

Саша. Я почувствовал себя обиженным. Я отвернулся от него. Мне почему-то стало противно.

Леша убивает Сашу, уходит.

Раздвижные ворота. Глеб сидит рядом с убитым Сашей, изучает содержимое мешка, который принёс Олег. Олег в стороне рядом с Маугли, он чувствует себя виноватым.

Глеб (*отложив мешок*). Господи, дай мне только силы не уйти в запой! (*Шумно выдыхает*) Я не могу всё тащить один, понимаешь ты это или нет?! Я устал физически и морально

Олег. Так, а...

Глеб. Помолчи, я сказал! Не перебивай, не перебивай меня! Вы меня с маткой выжали вот так уже! Я не могу, я же не железный, сколько можно из меня последние жилы тянуть?!

Олег. Я ничего от тебя не прошу.

Глеб. Всё, чего я хочу, это тарелка супа на день, пачка сигарет и бутылка водки в конце недели.

Олег. Так, а что я тебе делаю, ну?! Говорю, папа, давай помогу, папа, что делать?!

Глеб. Так откуда я знаю, что делать?! Браток, тебе тридцать лет! Думай, думай, понимаешь? Я в твоём возрасте уже, ай, да что говорить. Вылупится и стоит! Бельмы эти выставит! Я не железный, я сдохну когда-нибудь! Ещё лет пять и кранты! Ты вот даже не интересуешься.

Олег. Почему? Я интересуюсь! Ты сам мне не даёшь!

Глеб. Если б ты интересовался, ты бы его сюда не приволок!

Олег. А я никого не приволакивал!

Глеб. Ладно, все мы мастера. Только мне потом...

Олег. Ну вот что?! Ты меня даже не хочешь слушать. Он сам за мной пошёл! Что?! Если б я его гнал, это ещё хуже было бы. Он потом приехал бы с другими людьми, своими друзьями.

Глеб. Почему? Не вижу логики.

Олег. Логика простая. Что из любопытства. Что это за место такое, из которого его погнали!.. Я тоже, папа, думаю! Это называется перестраховаться.

Глеб вынимает из мешка глазированный сырок.

Олег. Сырки мама просила передать, чтоб ты взял на ужин.

Глеб бросает сырок.

Олег. Ну что я уже не так сказал?! Я сказал, что мама просила передать! (*Залезает на Маугли*) Мне всё равно, когда ты их съешь! (*Маугли сбрасывает его*)

Глеб. Почему вы всю жизнь хотите меня урегулировать? Та не урегулировала, теперь ты!

Олег залезает на Маугли.

Глеб. Ёб твою мать! Да сколько это будет длиться?!

Маугли сбрасывает Олега.

Глеб. В конце концов, мне сегодня 50 лет! Хоть какая падла вспомнила?! Хоть кто-то подошёл, сказал: батька, поздравляю тебя с юбилеем. Как ты жив, здоров! Нет, ты, да?! Ты же писатель у нас?! Всего тебе, батька, наилучшего, здоровья, счастья...

Олег. А сырки, по-твоему, что сырки?! Она тебе поэтому сырки и положила! (*Залезает на Маугли; Маугли сбрасывает Олега, поднимает сырок и ест*)

Глеб. Хватит, я всю жизнь виноват, кругом одни святые.

Олег (*к Маугли*). Подойди сюда! Почему ты съел дедушкин сырок?

Глеб. Да хай ест.

Олег. Объясни мне, почему ты съел дедушкин сырок?! Откуда в тебе столько чёрствости и неуважения к своей семье, или что? Силу почувствовал раньше времени?

Глеб (*к Олегу*). Вот ты мужик, да? Вот сейчас вот станешь вместо меня, если не дай бог что со мной?

Олег. Конечно.

Глеб. Ты сможешь эту лямку тянуть? Молча, без эмоций, по-мужски.

Олег. Так, а...

Глеб. Даже если очень больно и не хочется, немоготу всё? Скрипя зубами, даже если нервы уже на пределе, и хочется бросить всё и уйти в туман.

Олег. Никаких, пап, воп...

Глеб. Никаких пап! Мужик, здесь уже пап нет, это реалии. Здесь, за этими, воротами сердце нашей страны...

Олег. Да я знаю, что сердце! Я смогу, стану и буду охранять!

Глеб. Ты даже ворота не знаешь как работают.

Олег. Ой, на кнопочку нажал, ворота, что тут?!... Только зачем мне это надо?

Даже Маугли посмотрел в этот момент на Олега.

Олег. Я не так выразился, извините. Я не так, ты давишь на меня, я тогда сбиваюсь, я к тому, что у меня своя дорога. Я, конечно, могу подменить тебя, подежурить, если ты заболел, но у меня своя дорога.

Глеб. А ты думаешь, у меня своей дороги не было? Или у твоего прадеда, или у деда? Я на гитаре играл, как бог!

Олег (*отчаянно*). Ну папа, ну!

Маугли. Можете считать, что это протест! (*Лезет в мешок с едой*)

Глеб. Я тоже когда-то мечтал, но потом опустил на землю, потому что ты родился, потому что мамка...

Маугли ест сырок.

Олег. Ну так если тебе так тяжело было, почему ты не ушёл?

Глеб. Потому что я мамку нашу люблю.

Звук приближающейся машины. Маугли принюхивается, издаёт звуки.

Олег. Я, может, думаю...

Глеб нажимает на кнопку, ворота разъезжаются.

Олег. Я тоже об этом подумал.

За воротами стоит гроб.

Олег (*смотрит на гроб*). Я думал, оно другое... сердце.

Глеб. Другое – не другое. Некогда, помоги. (*Олег и Глеб снимают крышку. Гроб пустой, обит внутри синей тканью*)

Олег. Пусть пока в нём полежит, да, папа?

Глеб. Да. Несите с ним, я не смогу.

Олег. Пап, а оно всегда пустое было?

Глеб. Пустое – не пустое, тебе что? Берись, несите.

Олег. Так, интересно. (*К Маугли*) Берись.

Олег и Маугли кладут Сашу в гроб. Затемнение.

Темно. Саша стоит в луче синего света. В чёрном костюме, белой рубашке и чёрном галстуке.

Саша. В моей комнате стены и потолок приятно синего цвета. Нет в ней ни шкафа, ни стульев. Пустая абсолютно. Небольшое вырубленное окно напоминает бесформенную рваную рану с застывшим мясом цементного раствора. Там, в глубине этой раны, я вижу кишаший событиями двор. Раньше, когда окно ещё не зарастало тонкой живой плёнкой, звуки двора пронзали меня. Я глотал алкоголь с пьяницами и вдыхал дым с подростками в кустах. Теперь этого нет. Своеобразное стекло не пропускает звук и искажает видимость.

Появляется Лёша.

Лёша. Понимаешь, финка... это... приспособилась экономика белорусская. Фирмы-однодневки, покупаются и продаются только для одной сделки. Это всё особенности нашего бизнеса и бизнеса вообще, бизнеса СНГ. За рубежом, как бы, помогают нам так работать. По законодательству, чтобы государство ничего у тебя не забрало, нужно, чтобы фирма была иностранной. Бизнес должен быть устойчивый, объёмы должны быть хорошие, сначала человеку трудно, это, короче, положение нашей экономики. Не без помощи крупных банков, которые... как это... крупные банки имеют, как бы, финансовые компании... которые как бы являются принимающими платежей. Обналичивают их и зарабатывают свои проценты. От 2 до 10 %. Просто крутят деньги. Финок как бы и нет, но они и есть, и все об этом знают...
(Исчезает)

Саша. Порой вместо людей я наблюдаю каких-то двуногих сатиров с пробивающимися к свету рожками. А собаки похожи на полосатых гиен. Отказаться от окна я не могу. И, погружая лицо в пелену, смотрю на мир, пока хватает дыхания. Кроме этого воняющего, но такого родного для меня глаза, есть ещё в моей комнате дверь. Отчётливо помню, как в детстве товарищи по играм замуровали её с внешней стороны. Дерево сожрал гриб. Дверь превратилась в осыпавшуюся труху, особенно в моменты, когда мне совсем нечего делать, я отковыриваю ногтем кусочки двери. Наверняка, очень скоро поверженная дверь будет лежать горсточкой щепок у моих ног. А за ней – стена, прочный замес красного кирпича и цемента. Красивая и прохладная на ощупь, покрытая зелёным душистым мхом. В тех многих местах, где дверь уже осыпалась, я прикасаюсь ко мху подушечками пальцев, глажу его, купаясь в ласковых волнах удовольствия. Источники света в моей комнате естественны: если темно – значит темно, если утро – значит утро. Но свет мне не нужен; за годы, проведённые в моей комнате, я её отлично изучил и могу ходить с опущенными веками... Во второй половине дня комнату наполняет густой белый туман. Каждый раз под его воздействием комната меняется, преподнося мне сюрпризы. То вдруг возникнет угол письменного стола, настолько реальный, что я вижу коричневую лакированную поверхность, и по мере приближения он не исчезает, а наоборот, становится весомей и твёрже. Я даже могу ухватиться за этот угол, почувствовать его остроту. То расстеленная с высокими спинками кровать и чистое в красный горошек бельё, пахнущее крахмалом. Я трогал в тумане украшающий спинку железный шар, а однажды заснул, накрывшись лёгким пуховым одеялом. Однако всё это – фантазия, не более. Так как письменного стола полностью я никогда не видел, а лишь бросающий моей комнате вызов коричневый угол, обрывающийся изломанной диагональю в тумане. Ножек у кровати никогда не было, и просыпался всегда на холодном полу. Но всё равно я благодарен этому чуду, происходящему в моей комнате, потому что с помощью него я могу узнать, как бы она выглядела, наполнившись посторонней жизнью. Сравнить с тем, что есть, и быть вдвойне благодарным за возможность сравнения. У меня есть окно и дверь. Иногда я разрываюсь между

ними. Брожу в неопределённости, мучительно решая, чему отдать предпочтение. А если бы ещё кресла, полки, антресоль, сервант? – я бы умер, разломавшись на множество частей. Как хорошо, что всего этого нет, и предметы – только туманная прихоть! Именно туманная, а не навеянная моим воображением...Бабушка!.. Бабушка!

Бабушка. А?

Саша. Ну где твой... Где твой Коноваленко?

Бабушка. Что?

Саша. Коноваленко где твой? Показывай!

Бабушка. Я кино буду смотреть.

Саша. Какое кино?

Бабушка. Сериал смотрю свой.

Саша. Ты будешь сейчас сериал смотреть?.. Так ты мне хоть покажи, что, как ты молишься. Что мне делать?

Бабушка. Ну бяры и читай.

Саша. Бери читай? А что, ты сериал будешь свой смотреть?

Бабушка. Ну что ты хочешь, Саша?

Саша. Я хочу, чтобы ты мне показала...

Бабушка. Что я тебе...

Саша. Чтоб ты мне показала, как ты молишься! Что мне, как молиться этому Коноваленко, чтоб он мне счастье дал в жизни.

Бабушка листает большую книгу.

Саша. Что ты ищешь?

Бабушка. Сеянс и где... я ичше не, не принимала, буду у воскресенье принимать. У мяне не получаецца, я не знаю, как анэргию эту... (*Показывает в книге*) Войта раз, два, три... и каждое три – три раза надо просить.

Саша. Это так молиться надо?

Бабушка. Не, надо делать... Ну для этого надо подготовка, подгатавливацца. Вот, комнату проветрить, потом... А в общем, тут усё пишацца, что надо.

Саша. Ну ясно, обычно, понятно... хорошо... занимайся.

Бабушка. Я знаю, вот бы...

Саша. Будешь сериал сейчас смотреть?

Бабушка. Успомнить, что у тебя в жизни было с организмом, ти... Да, что ты – ды между пальцев пропустил. Тяперь надо каждый, частичку, усё, просить извинения. Ну, в общем, это знаешь... Во завтра лекарства выкупишь. (*Недовольно*) У... Яна мне говно выписала, ну... От шума этый цинарезин купишь... (*Улыбается*) Вот, шас начнётся.

Саша. Сериал твой?

Бабушка. А?

Саша. Сериал твой?

Бабушка. Да.

Саша. Хороший?

Бабушка. Хороший.

Саша. Про что?

Бабушка. Ну это ужо... ти восемьдесят... ну, в общем, выключай этый свет и... буду смотреть.

Саша. Ладно, пошёл я.

В товарном вагоне едут Лошадь, семья Адамовичей.

Глеб (*к Маугли*). Ты – Адамович, и не отрекайся от своей фамилии, понял меня? Адамович – продолжатель рода. У нас вся родня в деревне! Полдеревни, и все Адамовичи, и все между собой родные.

Лошадь. Не могу понять.

Глеб. И прадедушка был Адамович, дед твой Адамович, батька.

Галя (*к Олегу*). Почему ты раньше его не приводил?

Глеб (*к Маугли*). И на чужой земле ты должен остаться Адамовичем.

Олег (*к Маугли*). Даже вот смотри, с практической точки зрения, приедем мы...

Галя (*к Лошади*). Почему вы раньше к нам не приходили?

Лошадь. Не могу понять.

Олег. Будут нас спрашивать, пригласят может куда-то, что-то спрашивать. Даже элементарно, остановка пописать! В пути всегда предусмотрена, чтобы люди могли как-то оправиться, размять затёкшие кости, понимаешь? И что? Все как-то начнут общаться там, обмениваться информацией...

Маугли. Со мной не надо общаться. Я животное...

Галя. Даже у животного есть имя...

Маугли. Не имя, а кличка.

Олег (*к Глебу*). Видишь, папа, это поколение, оно, они... отрыв, всё, полный. Ему по-лошадиному ржать удобнее, чем на родном языке говорить!.. Я не знаю, у нас как-то добрее, что ли, всё было. Мы как-то не заморачивались на этом всём; в походы ходили, костёр, весело, конкурсы, эстафеты.

Лошадь. Не могу понять.

Вагон резко останавливается, всех качнуло.

Глеб. Тихо, мать, не паникуй!

Лошадь. Чем нас будут кормить, как вы думаете?

Галя. Олег... там клофелин, он у меня в косметичке...

Олег. Где?

Галя. В косметичке!

Олег. Щас-щас! (*Роется в сумке*)

Глеб (*к Маугли*). Ну, гляди, мужик! Тебе жить!

Олег. Вот. (*Отдаёт Гале лекарство*)

Глеб. Я только одно могу сказать, живи так и гляди, чтоб тебя не наебали! Не давай себя наёбывать никому, врубаешься? Ты – Адамович!

Дверь в вагон открывается, яркий свет, входят 2 полицейских с клоунскими костюмами в руках.

Олег. Где мы?

1-й полицейский. В Европе, переодевайтесь. (*Бросают одежду*)

2-й полицейский. Мужчины – чётные номера, женщины – нечётные.

Лошадь. Скажите, а когда ужин? (*Полицейские игнорируют*)

Галя. Скажите, а...

1-й полицейский. Снимаем всё. Вещи должны подвергнуться санобработке.

Глеб. Ничего, мать, мы, Адамовичи, народ терпеливый.

Все раздеваются, затемнение.

Леша в одних трусах, трёт руками лицо. Перед ним лежит клоунский костюм. Рядом стоят двое полицейских.

Леша. Ребят, может, как договоримся? *(Полицейские игнорируют)* Должен быть выход, ребят. У меня... У меня ж три магазина, пять машин...

1-й полицейский. Номер 48, переодевайтесь.

Леша переодевается в костюм клоуна. Аплодисменты, смех. Полицейские уходят. Леша в костюме клоуна, через силу кланяется, улыбается... Смех.

Леша. Я взял мужское тело с верхнего яруса и стал спускаться в город. Мне мешало впереди идущее тоже мужское тело, и поэтому я его убил. Дальше уже я продолжал путь в полном одиночестве. Мужское тело служило хорошо... Я... Ну... прилично. Ай, я вернулся обратно в паркинг и взял женское молодое тело. Мне не понравилось сразу. Большая грудь возбуждала, и пизда была всё время мокрой. Из неё текло, как... ну, я не знаю... как из шланга. Я вернулся обратно в паркинг, аккуратно положил женское тело на место и ничего не смог выбрать. Два старика; маленький мальчик лет пяти, к тому же – на сигнализации и привязан, с хвойными затычками во рту и в жопе. Мне ничего не оставалось, как ждать. Ждать просто так мне надоело, тогда я взял мужское старое тело и трахнул женское тело, в котором был до этого. Пизда была вся сухая, и крайняя плоть мужского тела воспалилась. Оргазм был слабенький, не то слово... хуёвенький был оргазм. Я взял другое мужское старое тело, но, прежде чем трахнуть женское, хорошенько вылизал пизду. В пизду! Вообще никакого результата. Вообще не кончил! Я пытался отделить хвою от жопы мальчика, но у меня не было кода. Ай... тогда я взял то первое мужское тело и попытался трахнуть то тело, в котором находился прежде, ну... ну, что вам сказать... Ну так, относительно ничего. Анус у этого мужского тела был не так разъёбан, как пизда той женщины. Тут на первый ярус... я заметил тело моей мамы. Видимо, пока я ебал старое мужское тело, кто-то припарковал тело моей мамы. Я трахнул тело моей мамы во всех позах, сначала женским телом, потом мужским старым телом и другим мужским старым телом. Потом какой-то чувак мне вернул мужское тело, которое я считал своим любимым. Я взял своё мужское любимое тело и стал спускаться в город. И тут какой-то чувак толкнул моё любимое мужское тело, и я сорвался в пропасть. Ещё успел отчётливо услышать быстрые уверенные шаги прежнего своего любимого мужского тела... И пока я летел, я чётко осознавал себя тем, кто я есть. Я не Алексей, я всего лишь хаотичный набор явлений, который называли Алексеем, для того, чтобы удобнее было считывать информацию. *(Аплодисменты. Леша кланяется, уходит.)*

Все участники дальнейшего действия в клоунских костюмах. Выходит Лошадь в очках. Смех. Лошадь пробует растянуть застрявший замок верхней одежды. У неё не получается. Смех... Выходит Олег.

Олег. Я знаю, что делать! Я помогу! *(Пробует растянуть замок, у него не получается. Лошадь нервничает)*

Лошадь. Уйди, безрукий!

Смех. Выходит Маугли, у него нет рук. Смех. Маугли смотрит, как Олег сражается с замком, у него из ширинки вылезает банан. Смех... Олег оборачивается, замечает Маугли.

Олег. Я знаю, что делать! Я помогу!

Смех. Олег бросает Лошадь, идёт к Маугли.

Лошадь. Все вы, кобели, одинаковые!

Смех. Лошадь пытается растянуть замок. Олег становится перед Маугли на колени. Выходит Галя. Олег медленно чистит банан. Смех.

Галя (нежно, к Лошади). Дай я. (Легко растёгивает замок)

Выходит Глеб, у него две ноги. Злой, суровый, озираясь, вынимает игрушечную собачку. Давит на неё, собачка произносит «А лав ю». Смех. Галя застёгивает и растёгивает замок, Олег ест банан, Глеб давит на собачку, собачка – «А лав ю». Лошадь отбрасывает очки. Смех. Входит бабушка в халате медсестры с огромной накладной грудью и задницей. Бабушка бросает на пол тушку курицы.

Бабушка (сурово). Кто следующий на анализ крови из пальца?

Смех. Все в испуге замирают, переглядываются, бабушка ждёт. Их взгляды останавливаются на Маугли. Смех. Все наступают на Маугли.

Маугли (кричит). Приди, безногий!

Глеб заслоняет собой Маугли.

Глеб. Нет!!... (Показывает собачку бабушке) Вот!

Смех. Бабушка берёт собачку, давит на неё. Собачка – «А лав ю». Смех. С противоположных сторон выходят Лёша и девушка. Идут навстречу друг другу. Лёша обнимает девушку. У Маугли из ширинки вылезает банан. Смех. Девушка вынимает из-под юбки куклу-мальшиа, показывает Лёше. Смех.

Лёша. Э, не!

Смех.

Лёша (подходит к Маугли). Я лучше так буду. (Становится перед Маугли на колени, чистит банан)

Смех. Девушка оглядывается, подходит к бабушке, забирает собачку и уходит. Смех. Все кланяются. Аплодисменты, смех. Затемнение.

Темно. Саша стоит в луче синего света, в чёрном костюме.

Саша. В моей комнате одна стена, которая, к тому же, угловая стена дома, по всей площади пробита дырочками. Через это бетонное сито проникают солнечные лучи, появляется и исчезает туман. Несчастны люди во дворе. Они постоянно находятся в нём, среди этих проекций предметов и тел!.. В моей комнате живёт человек. Как и всё остальное в ней, он моя собственность. Он как бы и является мной, но это несомненно не я. Вынужденное нахождение в этом человеке доставляет мне беды. Его тело некрасиво, покрыто жёсткими чёрными волосами. Отличились ноги: тонкие и кривые с вкраплениями узловатых бугристых вен. Редкие, длинные волоски вокруг серого маленького соска неприятно топорщатся, что практически невозможно уложить, примять. Я слюнявлю пальцы и с силой прижимаю их к груди. Пробовал вырывать атаквистический покров, но на месте одного волоска вырастает три новых. У моего человека высоко расположен желудок. Складывается впечатление, будто человек проглотил резиновый мячик. На ногах у него кривые ногти. При ходьбе человек цокает, доводя этим цоканьем меня до

сумасшествия. Он подолгу спит или ковыряет в носу, уставившись в стену. За свои недостатки я разработал для него целый ряд наказаний. Я заставляю этого соню не моргать, а сам считаю до тысячи. После такой экзекуции опухают веки, режет глаза, они слезятся, и мой человек, причитая, гладит их, расхаживая по моей комнате. За лень и нежелание поймать хотя бы одно насекомое, в избытке расплодившееся на его теле, он сутки стоит, не сходя с места, отчего ноги гудят и мышцы сводят судороги. В изнеможении человек падает на пол. Однако я заставляю его подняться и подставить убогое тело свету. За пустое бормотание всякой бессмыслицы, когда он уже не в состоянии воспринимать адекватно мои команды и желает поскорее заснуть, я бью его темечком об стену, и вся его дурь вместе с кровью вытекает наружу. Пусть отдохнёт, придёт в себя. Для этого я укладываю человека в центре моей комнаты, когда как он привык засыпать в куче собственных испражнений. Часто мой человек, корчась у замурованной двери, плачет и рвёт свою кожу зубами. Вот иногда в такие минуты мне становится немножко одиноко и хочется хоть с кем-нибудь поговорить.

Февраль, 2006г.